
КУПИДОН В ПОГОНАХ
ЛИТМОБ
ОЛИВИЯ БОНД
Влюбляться запрещено,
МАЙОР
18+

Оливия Бонд

Влюбляться запрещено, майор!

«Автор»
2026

Бонд О.

Влюбляться запрещено, майор! / О. Бонд — «Автор», 2026

- Я знаю эти горы лучше вас, - упрямится Ника и достает видеокамеру. Едва сдерживаюсь, чтоб не взорваться.- Там где ты, девочка, высматриваешь горных козлов, я замечаю снайпера. Поясняю кратко. Ника округляет шальные омуты и недоверчиво косится в сторону заснеженного перевала.- Пока не разберемся с тем, кто тебе угрожает, ты слушаешь только меня. И без разрешения от меня - ни на шаг.Ника забирается в джип, а я обдумываю план действий на ближайшие несколько дней.Опасные командировки и спецзадания - то, к чему я привык. Но нянькой для генеральской дочки я точно не нанимался.Моя задача - защитить Нику. Обеспечить безопасность красивой и непоседливой занозе. Выжить вдвоем в маленьком домике, занесенном снегами? И не с таким справлялись. Главное - четко выполнить приказ генерала.Влюбляться запрещено, майор!

© Бонд О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Глава 4 17
Глава 5 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Оливия Бонд
Влюбляться запрещено, майор!

Глава 1

НИКА

Полночь, холодный свет монитора в тёмной спальне и я в коротких хлопковых шортах и топике.

Очень удобно и по-домашнему уютно.

После десяти часов на ногах – лучшее спасение. Рядом дымится огромная кружка чая с чабрецом, но спать я лягу нескоро. Впереди ещё монтаж, цветокоррекция и звук.

За окном гудит зимний ветер, шуршит сухими ветками по карнизу, а внизу за окном изредка прошуршит одинокая машина и снова тишина. Мне большего и не надо.

На экране мои горы. Те самые в которые я отправилась еще на рассвете, пока весь Сочи досматривал последние сны.

Кручу бегунок таймлайна туда-сюда. Вот розоватый рододендрон на тенистом склоне – редкий, капризный, цветёт всего три недели в году и на дух не переносит человеческого шума. А вот мои пальцы рядом с отпечатком кабаньего копыта для масштаба.

Свежий, глубокий след в размокшей глине.

– Итак, дамы и господа, – шепчу я в петличку, косясь на закрытую дверь.

Коттедж спит, и если папа услышит, что я в час ночи с кем-то разговариваю, то решит, что его единственная дочь окончательно тронулась умом.

– Перед вами зверь солидный. Размером с хороший внедорожник. Но панику отставить. Кабаны боятся нас куда сильнее, чем мы их.

Ролик почти готов.

Склейки, титры, плавный переход от утреннего тумана к солнцу на вершине – осталось подрезать пару эффектных секунд в финале. Уже торжествующе скалюсь собственному отражению в тёмном окне.

В последние три года, с тех пор как не стало мамы, я только этим и дышу. Учёба на биофаке, полевые экспедиции, полмиллиона подписчиков, которым я перевожу с языка дикой природы на человеческий. Правда, для отца всё это – пустая блажь.

Генерал Мальцев терпеливо ждёт, когда дочка «наиграется в блогеров» и займётся настоящей наукой. Диссертацией, кафедрой, чем-нибудь солидным, с гербовой печатью.

А что если для меня это не игрушка, пап.

Это единственное место, где я чувствую себя живой.

Только попробуй объяснить это человеку, привыкшему мыслить приказами и уставами. Спорить с ним – всё равно что пытаться самой сдвинуть скалу голыми руками. Спасибо уже за то, что не запрещает.

Курсор замирает над кнопкой «Опубликовать».

И в этот миг телефон на столе глухо вибрирует. Входящее в личку.

Первое сообщение кажется почти безобидным:

«Ты сегодня рано вышла на маршрут».

Фыркаю. Полмиллиона человек смотрят мои сторис, кто-то наверняка вычислил локацию по старым видео.

Но через секунду улыбка сползает с лица, меня заливает волной паники. Вспоминаю, что это не первый раз. Всю последнюю неделю мне пишут с пустых аккаунтов. То цитату из ролика, который ещё лежит у меня в черновиках, то точное время, когда я свернула с основной тропы.

Будто кто-то смакует мой страх.

Пугает дозированно, по капле, играя в кошки-мышки. Каждый раз я убеждала себя, что это просто поехавший фанат. Но с каждым днём верить в это становилось всё труднее.

Экран снова вспыхивает.

«Ты слишком много видишь».

Воздух застревает в лёгких. Перечитываю и чувствую, как комната начинает медленно кружиться. Мне откровенно страшно.

Следом падает третье сообщение.

«Не боишься гулять одна, сладкая».

Аноним.

Без фото. Аккаунт создан десять минут назад.

Как и десятки таких же, аналогичных.

Не впадаю в истерику. Истерика – это когда роняют кружки и визжат. Тихо вытягиваюсь в струнку, чувствуя, как сердце колотится где-то у самого кадыка. Пальцы мигом леденеют, а по позвоночнику ползёт липкий, мерзкий холодок.

Так. Вдох-выдох, Мальцева.

Соберись.

Быстро делаю скриншоты. Пробиваю профиль – ноль подписок, ноль публикаций.

Кто он?

Откуда он знает, что я вообще была в горах? Ведь я даже анонс не делала.

Мозги плывут в адреналине, мысли отказываются складываться в связные, логические цепочки. Сознание просто отказывает.

С глухим стуком захлопываю ноутбук, вскакиваю со стула и иду к двери. Не потому, что мне страшно. Ну… почти не поэтому. Просто папа в таких вещах собаку съел. И настал момент ему во всем признаться.

Конечно, он ворчать будет, что не сказала сразу. Но что уж поделать, товарищ генерал, такая у вас дочь.

Кабинет отца на первом этаже, в конце длинного дубового коридора, где горит только тусклый дежурный бра. Почти дохожу до поворота, когда из тени навстречу шагает *он*.

Незнакомец.

Высокий, накачанный. Широкий в плечах, поджарый, и даже строгий тёмный китель не прячет хищную, пружинистую мощь. На погонах майорские звёзды. Лицо жёсткое, словно вырубленное из камня, обветренное, мрачное, как ноябрьский шторм.

А взгляд… Взгляд тяжёлый и такой… от которого не хочется отрываться.

Незнакомец упирается в меня глазами, и меня мгновенно бросает в жар. Только сейчас доходит, что на мне короткие шорты и тонкий топ без белья.

В узком коридоре не разойтись. Вжимаюсь спиной в деревянную панель, боком протискиваясь мимо, и сбивчиво шепчу.

– Извините…

Майор не отступает. Не даёт дороги и смотрит.

Не в глаза. На мои губы. Его взгляд задерживается там ровно на секунду дольше, чем позволяет субординация в доме генерала. Тёмные, бездонные глаза – и в самой их глубине вспыхивает что-то хищное. Совсем не уставное.

Нахал.

Щёки полыхают так, будто я сказала или сделала что–то непристойное. Майор наконец делает шаг в сторону, тяжело печатая шаг по паркету, а я буквально срываюсь с места и пулей влетаю в приоткрытую дверь отцовского кабинета. Сердце лупит как сумасшедшее, но теперь совсем не от страха.

От стыда, злости и какого-то совершенно предательского жара внизу живота.

Соберись, Мальцева!

Тебе маньяк угрожает, а ты на незнакомых бойцов заглядываешься.

Захлопываю за собой дверь, приваливаюсь к ней спиной и пытаюсь выровнять дыхание.

Генерал Мальцев сидит за массивным, письменным столом. Даже в час ночи, без кителя, в расстёгнутой у ворота рубашке, папа выглядит как человек, привыкший держать оборону. Чуть поседевшие виски, тяжёлый подбородок, властный разлёт бровей.

Папа поднимает голову от бумаг, и я вижу, как в его глазах за долю секунды привычная отцовская усталость сменяется ледяной собранностью.

– Ника? — голос ровный, с командирской сталью, – почему не спишь? Забыла правило в моем доме, после одиннадцати – отбой.

– С тебя беру пример, – добродушно огрызаюсь и отец улыбается.

– Что случилось? Выкладывай.

Напряжен, чувствуется. Да и я просто так обычно не вламываюсь к отцу в кабинет.

– Пап, мне нужно тебе кое-что показать, – подхожу к столу, отчаянно стараясь, чтоб мой голос не дрожал.

Отец смотрит на мой телефон, потом переводит тяжёлый взгляд на меня – оценивающий, сканирующий.

– Если это снова твои миллионные охваты или редкий мох на северном склоне, Николь, разговор отложим до утра, – он массирует переносицу, и в его тоне звучит знакомое снисходительное раздражение, – тебе двадцать лет, без пяти минут дипломированный специалист, а ты всё бегаешь по лесам с камерой, как школьница.

Вот сейчас обидно было.

– Я не школьница, пап! И мой блог читают люди, которым плевать на твои сухие отчёты, зато не плевать на природу! – вспыхиваю я, но тут же осекаюсь, вспомнив, зачем пришла.

Кладу телефон на зелёное сукно стола.

– В общем, сам смотри.

Генерал хмурится. Ему явно не нравится мой тон, но он все же берёт смартфон. Сначала смотрит лениво, прищурившись. Листает экраны. Вчитывается. Медленно выпрямляется спина и папа переводит взгляд на меня.

В кабинете становится так тихо, что слышно, как тикают настенные часы. Пять секунд. Десять. Желваки на скулах отца напрягаются.

– Когда пришло первое? – спрашивает он.

Голос теперь другой – глухой, металлический. Так он говорит со своими подчинёнными, когда пахнет бедой.

– Минут двадцать назад.

– До этого писали?

– На этой неделе – да, уже несколько дней подряд пишут. С разных аккаунтов. Я думала, просто придурок какой-то…

– Придурок пишет «ты красивая» или просит денег, – жёстко отрезает отец, не поднимая глаз от экрана, – а этот знает твой маршрут. Знает точное время выхода. Значит, он был там. Рядом с тобой.

Меня начинает колотить от его слов.

Отец кладёт телефон экраном вниз.

– И что теперь? – у меня внутри всё снова сжимается в тугой узел.

– А теперь слушай приказ, – отец встаёт из-за стола.

Он выше меня на голову, массивный, непробиваемый, и в кабинете сразу становится тесно от его власти.

Замираю послушным сурикатом и боюсь даже пискнуть, когда папа в таком состоянии. С генералом Мальцевым в такой момент даже собственная дочь не рискнет поспорить.

– С завтрашнего дня ты из дома одна не выходишь. Ни на шаг. Ни в свои чертовы горы, ни в университет, ни в магазин.

– Пап, ты серьёзно?! – я вскидываюсь, сжимая кулаки, – у меня практика, съемки. Ты не можешь посадить меня под домашний арест из-за какого-то тролля в интернете.

– Могу. И посажу, если не включишь голову, – его взгляд пригвождает меня к полу так, что хочется вытянуться по стойке смирно, – это не тролль, Ника. Это охотник. И пока мои люди не вывернут наизнанку весь город и не найдут эту тварь, к тебе будет приставлен человек.

– Охрана? – я морщусь, как от зубной боли, – пап, может не надо? Вот только не хватало, чтоб твои мордовороты распугивали моих друзей.

– Друзей? Которые не могут тебя защитить? – в голосе отца проскальзывает мрачная усмешка, но глаза остаются ледяными, – да и надо их тоже прошерстить. Вдруг твой этот сталкер – как раз среди тех, кого ты считаешь друзьями.

– Пап…

Ясное дело, бесполезно даже пытаться.

– Николь, – произносит он тихо, и от этого полного имени у меня холодеет затылок.

Так он называет меня только тогда, когда черта подведена и обжалованию не подлежит.

– После того, как не стало Иры… – при имени моей мамы голос отца на секунду дает слабину, но тут же уходит в привычную сталь, – ты единственное, что у меня осталось в этой жизни. И поверь, если кто–то тебе угрожает, я смогу обеспечить твою безопасность.

Отец отворачивается к окну, закладывая руки за спину. Плечи напряжены, словно он готовится принять удар. Вся его суровость – просто напускная броня, за которой прячется животный отцовский страх за единственного близкого человека. И от этого понимания у меня моментально пропадает всё желание спорить.

– Кто он? — спрашиваю я уже тише.

Отец молчит пару секунд, глядя в чёрное окно, за которым шумит зимний лес.

– Узнаешь утром. А сейчас – марш спать.

Глава 2

ДАНИИЛ

Утро начинается не с будильника, а с глухой, тянущей боли в левом плече.

Лежу пару секунд с закрытыми глазами, прислушиваясь к телу.

Знакомое нытьё – осколок, словленный под Пальмирой полгода назад, всегда работает точнее любого барометра. Если сустав выкручивает так, будто его зажали в тиски, значит, за окном сменилась погода.

Сажусь на край кровати, разминаю шею. Мышцы каменные, сплю я урывками – привычка, от которой не избавиться ни на гражданке, ни в отпуске. Встаю, подхожу к окну, отодвигаю тяжёлую штору.

Так и есть. Сочи заваливает снегом.

Крупные, мокрые хлопья лениво падают на пальмы, укрывают припаркованные во дворе машины белой кашей. Для субтропиков это стихийное бедствие. Город через час встанет намертво, коммунальщики, как всегда, окажутся не готовы, а местные лихачи на летней резине устроят день жестянщика на каждом втором повороте.

Иду в душ, включаю воду погорячее, чтобы прогреть ноющее плечо.

Пока стою под тугими струями, перед глазами всплывает вчерашний вечер. Поздний вызов к генералу Мальцеву домой. Закрытый коттеджный посёлок, тишина, запах хвои и старого дерева. Я уже уходил от него, когда в тёмном коридоре едва не сбил с ног девчонку.

Хрупкая, тонкая, в каких-то смешных коротких шортах и топике, из-под которого просвечивала кожа. Вжалась в стену, пискнула «извините» и тут же вспыхнула, как маков цвет, когда я задержал взгляд чуть дольше, чем требовал устав.

Николь.

Сначала я даже не сопоставил. И только спускаясь по лестнице, сложил два и два. Генеральская дочка. С виду ничего так, живая, глаза большие, испуганные, и даже воспитанием не обделена.

Но я слишком хорошо знаю эту породу.

Выросшие за высокими заборами, на всём готовом, привыкшие, что любая прихоть исполняется по щелчку пальцев. Холёные, капризные куклы, у которых вместо мозгов – одни капризы да лайки в телефоне.

Выключаю воду, вытираюсь жёстким полотенцем. Ладно, не моя забота. С генералом у нас дела служебные, а его семейные дела меня не касаются.

Через сорок минут мой чёрный внедорожник мчится по Курортному проспекту. Только и успеваю, чертыхаться на водителей, создающих пробки и аварийные ситуации.

– Черт знает кому сейчас права выдают, – желчно рявкаю на очередного лихача с «Бэхи», пытавшегося меня подрезать.

Снегопад разыгрался не на шутку. Дворники едва успевают сгребать тяжёлую мокрую снежную кашу с лобового стекла.

Город парализован: красные огни стоп-сигналов тянутся сплошной лентой до самого горизонта, со всех сторон нервно сигналят, на подъёме впереди уже буксует какая-то легковушка, перекрыв полосу.

В салоне играет негромкий рок, печка дует на полную, но плечо всё равно ноет. Барабаню пальцами по рулю, объезжая затор по встречной через двойную сплошную — спецталон на лобовом позволяет, да и терпение у меня не резиновое.

К зданию управления подкатываю ровно к восьми. Паркуюсь, выхожу на крыльцо, стряхиваю снег с плеч бушлата. Внутри всё привычно: строгий пропускной режим, запах дешёвого кофе из автомата, суета в коридорах.

Поднимаюсь на четвёртый этаж. Приёмная генерала пуста – секретарша ещё не доехала по такой погоде. Стучу в массивную дубовую дверь и, не дожидаясь ответа, вхожу.

Мальцев стоит у окна, заложив руки за спину.

Выглядит паршиво. Под глазами тёмные круги, воротник форменной рубашки расстёгнут, на столе пепельница с тремя окурками, хотя бросил курить ещё в прошлом году.

– Разрешите, товарищ генерал.

Мальцев оборачивается. Взгляд тяжёлый, колючий, но при виде меня чуть смягчается.

– Заходи, Даниил. Дверь прикрой.

Прохожу, сажусь напротив стола. Без лишних предисловий – мы оба не любим тратить время на расшаркивания.

– Погода дрянь, – глухо роняет генерал, возвращаясь в кресло, – весь город раком встал. Но дело не в этом.

Он берёт со стола папку, достаёт несколько распечатанных листов формата А4 и раскладывает передо мной.

– Смотри.

Беру бумаги, бегло прохожусь взглядом, но сразу ясно, что дело – дрянь. Скриншоты переписки в соцсетях. Пустые аккаунты, ни фото, ни подписчиков. Читаю сообщения одно за другим.

«Ты сегодня рано вышла на маршрут».

«Ты слишком много видишь».

«Не боишься гулять одна, сладкая».

Хмурюсь. Поднимаю глаза на Мальцева.

– Кто это?

– Моя дочь. Николь, – голос генерала становится жёстким, как наждак, – вчера ночью пришла. Призналась, что эта дрянь тянется уже почти месяц. Сначала думала, просто придурок какой-то из подписчиков. У неё блог, полмиллиона человек, снимает всякую живность в горах. Я её хобби всерьёз не воспринимал, думал – перебесится. А тут вот.

Снова опускаю взгляд на распечатки. Вчитываюсь в детали. Временные метки, упоминание маршрутов, которых нет в открытом доступе.

Черт, вот только одержимой блогерши и маньяка–фанатика мне не хватало.

Везет тебе на таких, Захаров, да?

– Месяц, значит? – уточняю и задумываюсь, – анонсы выходов она в сеть выкладывает?

– В том-то и дело, что нет. Вчера уехала в заповедник на рассвете, никому не сказав. А через сутки прилетает вот это.

Откладываю листы на стол. Картина складывается мерзкая, но предельно чёткая.

– Это не интернет-тролль, Сергей Николаевич, – говорю спокойно, – Обычный фанат не знает, во сколько она вышла из дома и по какой тропе пошла. Здесь работает человек, который либо сам её пасёт вживую, либо получает слив.

– Слив? – Мальцев прищуривается.

– Именно. Искать надо в ближнем кругу. Друзья, однокурсники, соседи, обслуга в посёлке. Кто-то из своих. Тот, кто точно знает её график и куда она направляется.

Генерал медленно кивает. Желваки на его скулах перекатываются.

– Мои люди уже начали копать. Подняли биллинги, проверяют окружение, пробивают аккаунты. Но на это нужно время. А пока мы не возьмём эту гниду за жабры, Ника должна быть под прикрытием.

Напрягаюсь, уже предчувствуя, к чему он клонит.

– Ты хочешь приставить к ней охрану? Возьми ребят из наружки, у нас толковых оперов хватает.

– Оперы хороши в городе, Даниил, – отрезает Мальцев, – А моя дочь упёртая, как баран. Её в четырёх стенах не запрёшь, ей эти горы как воздух. Ни один городской оперативник за ней по скалам не пролезет, она его на первом же перевале сбросит. А ты эти тропы с закрытыми глазами знаешь. Диверсант, горная подготовка. И главное, я тебе доверяю.

Внутри всё сводит глухим раздражением.

Я боевой офицер. Моя работа – спецоперации, зачистки, работа в тылу, а не роль няньки для двадцатилетней блогерши, которая таскается по лесу с камерой ради лайков.

– Сергей Николаевич, я не телохранитель, – пытаюсь возразить, – у меня в отделе дел по горло, плюс рапорт на лечение ещё не закрыт…

– Рапорт я порву, – жёстко перебивает генерал, – с сегодняшнего дня ты, Захаров, прикомандирован лично ко мне. Задача у тебя одна. Обеспечить любой ценой безопасность Николь и параллельно помочь вычислить, кто её пасёт. Это приказ, майор.

Молчу пару секунд. Спорить с Мальцевым бесполезно – если он решил, продавит любого. Да и отказать человеку, который в своё время вытащил меня из-под трибунала после одной спорной операции, я просто не имею права.

– Принято, – сухо киваю я, – когда приступать?

– Прямо сейчас. Поедешь ко мне домой, познакомишься официально, примешь объект под контроль. И Ника – не на осадном положении, я не хочу пока ограничивать ее передвижения. Пока ситуация позволяет, Ника должна вести привычную жизнь.

Уже поднимаюсь со стула, когда голос генерала останавливает меня у самой двери. Тон меняется — исчезает начальник, остаётся отец. Злой, загнанный в угол и готовый рвать глотки.

– Даниил. Постой.

Оборачиваюсь. Мальцев смотрит на меня в упор, не мигая.

– Я знаю твой послужной список. И по службе, и по бабам, – чеканит он каждое слово, – в городе ни одной юбки не пропускаешь. Но учти, Ника – моя единственная дочь. После смерти жены у меня никого ближе нет. Если с её головы хоть волос упадёт – я тебя из-под земли достану. И если ты, не дай бог, хоть пальцем её тронешь или голову ей задуришь… Лично без погон оставлю и в такую дыру законопачу, откуда живым не возвращаются. Понял меня?

Встречаю его взгляд спокойно, без тени улыбки.

– Можете не переживать, товарищ генерал. Детский сад не по моей части.

Выхожу на крыльцо управления.

Снег всё валит, укрывая город белым саваном.

Достаю из кармана пачку сигарет, щёлкаю зажигалкой, глубоко затягиваюсь. Горький дым обжигает лёгкие, немного отпускает напряжение в затылке.

Смотрю на заснеженный джип и мысленно чертыхаюсь.

Влип. По самые уши влип.

Перед глазами снова всплывает вчерашний коридор. Тонкая талия, длинные ноги, огромные испуганные глаза и приоткрытые губы, на которые я зачем-то уставился, как пацан. Генеральская дочка, спору нет, красивая. Породистая, яркая, с чертовщинкой во взгляде. Любой мужик голову свернёт.

Вот только мне это на хрен не сдалось.

Я своё уже отлюбил. Хватит, наелся досыта и красивых слов, и красивых женщин, которым от тебя нужны только статус, деньги да картинка в соцсетях, пока ты глотаешь пыль в командировках. Вся эта романтика, нежности, сопли – не для меня. Любовь?

К чёрту. От неё только башка дуреет и реакция притупляется.

Отработаю приказ, сдам девчонку отцу в целости и сохранности, прижму урода-сталкера – и обратно в строй. Никаких эмоций. Только работа.

Бросаю окурок в урну, сажусь в машину и завожу двигатель.

Пора ехать знакомиться с «объектом».

Глава 3

НИКА

Утро встречает меня свинцовым небом и тишиной, от которой закладывает уши.

Подхожу к окну в спальне, отдёргиваю тяжёлую штору и замираю от восхищения. Сочи завалило. Мокрый, тяжёлый снег укутал пальмы, превратив их в огромные белые медузы, накрыл крыши коттеджей, засыпал садовые дорожки.

Для побережья это почти стихийное бедствие, а для меня – настоящее чудо. В такую погоду лес в горах становится абсолютно немым, звериные следы читаются как открытая книга, а свет от снега ложится на кадр так мягко, что никакой цветокоррекции потом не нужно.

Вот только настроение всё равно паршивое.

На тумбочке лежит телефон.

Стараюсь на него даже не смотреть, но взгляд сам собой цепляется за чёрный экран. Вчерашние сообщения засели под кожей занозой. «Не боишься гулять одна, сладкая».

До сих пор передёргивает, стоит вспомнить эти слова.

Спускаюсь вниз к девяти утра. В доме пахнет свежесваренным кофе и жареными тостами – наша помощница по хозяйству, тётя Валя, уже вовсю хлопочет на кухне. Только успеваю налить себе в кружку кипятка и бросить туда горсть сушёного шиповника, как в прихожей глухо бухает тяжёлая входная дверь.

Тётя Валя выглядывает в коридор, но через секунду возвращается на кухню с круглыми глазами.

– Ника, там к тебе. От Сергея Николаевича.

Сердце пропускает удар. Охрана.

Папа всё-таки сдержал слово.

Выхожу в холл с кружкой в руках, заранее настроившись на вежливый, но твёрдый отпор. Сейчас мне выкатят какого-нибудь шкафа в чёрном костюме, который будет задыхаться на первом же подъёме и таскаться за мной хвостом, распугивая всю живность в радиусе километра.

Выхожу и застываю на пороге.

В холле стоит *он*.

Тот самый майор из ночного коридора, с которым я столкнулась у дверей кабинета моего отца.

При дневном свете он кажется ещё массивнее. Тёмный камуфляж без знаков различия, тяжёлые берцы, на плечах и тёмных коротко стриженных волосах тают снежинки. Лицо жёсткое, обветренное, с резкими скулами и упрямым подбородком. Никакой дежурной улыбки, никакой любезности.

Взгляд холодный, сканирующий, будто он за три секунды оценивает пространство вокруг: где окна, где двери, откуда может прилететь пуля.

Он оборачивается на звук моих шагов. Наши глаза встречаются, и меня снова прошибает дурацким жаром. Я ведь сегодня в обычных джинсах и объёмном вязаном свитере, никакой откровенности, но под его взглядом чувствую себя так, словно до сих пор стою перед ним в тех ночных шортах.

– Доброе утро, Николь Сергеевна, – голос у него низкий, с лёгкой хрипотцой и ровный, как бетонная плита, – майор Захаров. Можно просто Даниил. С сегодняшнего дня я отвечаю за вашу безопасность.

Сглатываю сухой воздух, стараясь держать спину ровно и не выдавать, как внезапно пересохло в горле.

– Доброе утро, майор. Можно просто Ника. Чай или кофе?

Даниил бросает короткий взгляд на мою кружку, потом снова смотрит мне в глаза.

– Спасибо, не нужно. Я на службе. Давайте сразу к делу, Николь Сергеевна, чтобы потом не было недопонимания.

«Николь Сергеевна».

Ну конечно, кто б сомневался. Официальный тон, дистанция в три километра. Будто я не человек, а опечатанный сейф с секретными документами.

– Слушаю вас, – я прислоняюсь плечом к дверному косяку и скрещиваю руки на груди.

– Правила простые, – Захаров достаёт из кармана небольшой блокнот и ручку, даже не присаживаясь, – правило первое: никаких одиночных выходов. Никуда. Даже за калитку посёлка. Второе: все маршруты согласовываются со мной заранее, минимум за сутки. Третье: время выхода и возвращения определяю я. Если я говорю, что мы сворачиваемся и уходим — мы уходим без споров и вопросов. Четвёртое: в сети никаких геолокаций, сторис в реальном времени и намёков на то, где вы находитесь. Понятно?

Шокировано выслушиваю этот сухой перечень, и внутри начинает закипать знакомое упрямство.

Воспитанная девушка во мне требует вежливо кивнуть, но биолог и человек, который три года облазил эти хребты вдоль и поперёк, категорически отказывается молчать.

– Понятно, – отвечаю и стараюсь держать спокойный тон, глядя ему прямо в глаза, – но у меня тоже есть пара уточнений, Даниил. Я не собираюсь сидеть под домашним арестом. У меня дипломная работа, полевые наблюдения и блог, который я не могу забросить. И да – в маршрутах по заповеднику я разбираюсь сама. Я знаю эти горы лучше вас.

На секунду в холле повисает тишина.

Захаров медленно опускает блокнот.

Смотрит на меня.

Сначала строго, оценивающе, а потом уголок его жёстких губ вдруг дёргается в короткой, почти снисходительной усмешке. В тёмных глазах мелькает искра – не злость, скорее холодное любопытство. И этот взгляд скользит по моему лицу, задерживаясь на губах ровно на долю секунды.

У меня снова вспыхивают уши.

Да что с ним такое?!

– Лучше меня, значит? – тихо переспрашивает он, делая шаг ближе. От него пахнет морозом, табаком и оружейным маслом.

Настоящий мужской запах, от которого у меня подкруживается голова, а в животе по непонятной причине мгновенно оживает стайка бабочек.

Со мной–то что не так?!

– Там, где ты Ника в этих горах высматриваешь горных козлов, я отмечаю лежки снайперов. В остальном, вопрос закрыт.

У меня холодеет внутри. Он говорит это без пафоса, буднично, словно прогнозом погоды делится. И от этой будничности становится по-настоящему не по себе.

– Спасибо за доходчивое объяснение, – тихо говорю я, не отводя глаз, – но это не отменяет того, что сегодня в одиннадцать у меня запланированы съёмки. На тропе к дальнему водопаду. После такого снегопада там сейчас невероятный свет, и мне нужно снять выход воды из-под льда.

Захаров хмурится.

Желваки на скулах напрягаются, он явно хочет запретить. Открывает рот, но осекается – видимо, вспоминает приказ отца не сажать меня на цепь без крайней нужды. А в том, что папа мог сказать именно так, я даже не сомневаюсь.

– Дальний водопад? – переспрашивает он сухо, – ущелье узкое, с двух сторон отвесные скалы, обзор никакой. Отличное место для засады.

– Там зимой ни души, кроме лесников, – возражаю я, – и потом, вы же со мной. Вы ведь профессионал, майор? Вот и прикройте.

Захаров смотрит на меня тяжёлым, изучающим взглядом. Будто взвешивает на весах – придушить меня сразу или дать шанс.

– Собирайся, – бросает он наконец, – термобельё, нормальная обувь без всяких модных штучек, тёплая куртка. Через двадцать минут жду у машины. И, Ника…

– Да?

– Если будешь тормозить на тропе или лезть туда, куда я запретил — закину на плечо и унесу обратно в машину. И мне плевать, чья ты дочь.

Захаров разворачивается и выходит на крыльцо. А я остаюсь стоять посреди холла, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Бесит. Невыносимо бесит этот командный тон.

И в то же время… от мысли, что он может закинуть меня на плечо, по спине пробегает предательская дрожь.

Через час мы уже на тропе.

Снег в горах лежит плотным белым покрывалом, хрустит под подошвами. Воздух прозрачный, ледяной, пахнет мокрой сосновой корой и талой водой. Я иду впереди, с рюкзаком за плечами и камерой на ремне, а Захаров движется следом в паре метров.

Идёт он поразительно бесшумно для такого крупного мужчины. Ни одна ветка под ним не треснет, ни один камень не покатится. При этом он не смотрит себе под ноги – его взгляд постоянно сканирует склон, верхушки деревьев, тени между валунами. Настоящий хищник на чужой территории.

– Слишком быстро идёшь, — бросает он мне в спину, когда тропа начинает забирать круто вверх, — дыхание собьёшь, потом на морозе горло схватит. И не забегай за повороты, пока я не осмотрю сектор.

– Я в таком темпе каждые выходные хожу, Даниил, – огрызаюсь я, оборачиваясь на ходу.

Щёки горят от мороза и быстрой ходьбы, из-под вязаной шапки выбились пряди волос.

– Если мы будем плестись как черепахи, солнце уйдёт за хребет, и весь свет пропадёт!

Даниил догоняет меня в два широких шага, перехватывает за локоть, останавливая. Ладонь у него горячая даже сквозь плотную ткань моей куртки.

– Я сказал – сбавить темп, – произносит он тихо, глядя сверху вниз.

Взгляд у него сейчас не злой, а какой-то… собранный до предела. И вдруг он чуть щурится, глядя на моё раскрасневшееся лицо. Пальцы на моём локте на секунду сжимаются мягче, чем нужно.

– У тебя нос красный, Николь Сергеевна. И ресницы в инее. Не май месяц.

Замираю, чувствуя, как от этого простого замечания внутри всё переворачивается. Даниил на долю секунды смотрит на меня уже не как на «объект охраны».

В его тёмных глазах проскальзывает живой, мужской интерес – тёплый, внимательный, от которого у меня мгновенно путаются мысли.

– Я… я просто не замёрзла, – сбивчиво бормочу я, отводя взгляд в сторону, – ладно. Давайте так: на открытых участках я иду рядом с вами, а у самого водопада вы дадите мне пятнадцать минут тишины для записи звука. Идёт?

Захаров молчит пару секунд, потом медленно разжимает пальцы и кивает.

– Десять минут. И я стою в пяти метрах у скалы. Идёт.

У водопада я полностью погружаюсь в работу. Вода пробивается сквозь толстую корку голубоватого льда, с шумом обрушивается в каменную чашу, поднимая облако ледяной пыли. Я присаживаюсь на корточки у самого ручья, настраиваю фокус, ловлю блики на заиндевевших ветках орешника. Правда, руки всё-таки подмёрзли: на третьем дубле пальцы соскальзывают со стабилизатора, камера дёргается, и кадр смазывается.

– Тьфу ты, – шепчу я себе под нос, удаляя неудачный файл.

Поднимаю глаза.

Захаров стоит чуть выше на валуне, засунув руки в карманы бушлата.

Он смотрит не на горы и не на водопад. Он смотрит на меня. Спокойно, внимательно, чуть прищурившись. Но как только наши взгляды пересекаются, он тут же отводит глаза в сторону и сухо бросает.

– Время вышло, Ника. Сворачиваемся. Пора вниз.

Обратно к дому мы возвращаемся уже в сумерках.

Снег снова усилился, город внизу зажёг огни, и дорога занимает почти два часа. В машине тепло, играет негромкая музыка, и я, уставшая после свежего воздуха, почти засыпаю на пассажирском сиденье, украдкой поглядывая на профиль майора.

Сильные руки на руле, сосредоточенный взгляд, лёгкая щетина на скулах. Рядом с ним странным образом исчезает тот липкий страх, который душил меня всю последнюю неделю.

У ворот коттеджа Захаров глушит двигатель, но выходить не спешит. Достаёт из бардачка небольшую картонную коробку и протягивает мне.

– Это что? – удивляюсь я.

– Новый телефон. И новая сим-карта, оформленная на левого человека, – объясняет он коротко, – твой старый аппарат я забираю. Симку вытащим, сам телефон пойдёт нашим спецам на проверку – вдруг вам туда жучок зашили.

– Даниил, но у меня там вся работа! Монтаж, исходники, контакты с универа…

– Исходники перекинешь на ноутбук при мне. В сеть с этого номера выходить запрещено. Номер знаете только вы, ваш отец и я. Всё.

– Но…

– Так надо, Ника, слушай сюда, – обрезает он мягко, но так, что спорить бессмысленно, – если утечка идёт через твой телефон или мессенджеры, мы её обнаружить сможем только так.

Недовольно вздыхаю, но коробку забираю. Спорить с ним – всё равно что с папой: себе дороже.

Поздно вечером, приняв горячий душ и переодевшись в мягкую пижаму, я забираюсь под одеяло. В комнате темно, только за окном мягко светится снег в свете уличных фонарей.

Кладу новый телефон, который выдал Захаров, рядом с подушкой.

Сна ни в одном глазу.

В голове крутится сегодняшний день. Холодный, колючий майор, который на тропе вдруг заметил, что у меня замёрз нос и щеки.

И что там он еще про мои реснищы говорил?

Его тяжёлая тёплая ладонь на моём локте. То, как он смотрел на меня у водопада, думая, чтоя не вижу. Кто он вообще такой? Почему у него в глазах столько усталости и какой-то глубокой, запрятанной боли, будто ему когда-то сильно разбили сердце?

И почему у меня от одного его присутствия внутри всё сжимается в тугой, горячий комок?

«Не выдумывай, Мальцева. Он просто выполняет приказ твоего отца».

Закрываю глаза, пытаясь заставить себя уснуть.

Тишину спальни разрывает резкая, пугающая вибрация на подушке.

Вздрагиваю, распахиваю глаза. Экран нового телефона светится в темноте. Сообщение. Обычное входящее на номер, который существует всего три часа и которого нет ни в одной базе.

Дрожащими пальцами нажимаю на экран.

«Ты сегодня долго стояла у ручья. Треть кадров получилась кривыми – твоя камера дёрнулась».

Кровь отливает от лица. Воздух в комнате мгновенно становится ледяным.

Камера дёрнулась. Я удалила этот дубль прямо там, у воды. Никому его не показывала и никуда не выкладывала.

Значит, он был там.

В ущелье. Стоял где-то рядом, смотрел, как я снимаю, и видел всё своими глазами. И он каким-то образом узнал этот новый, никому не известный номер.

И это уже не маньяк из интернета.

Он тот, кто стоит у нас прямо за спиной.

Глава 4

НИКА

Утро после бессонной ночи начинается с липкого страха и телефонного звонка Даниилу в шесть утра.

Даже не пытаюсь делать вид, что спокойна. Показываю ему экран нового телефона, когда он приезжает к дому через двадцать минут – мрачный, явно невыспавшийся, с тяжёлой складкой между бровями.

Внимательно читает сообщение о кривом кадре у ручья, не произносит ни слова, только молча забирает этот аппарат, достаёт из кармана бушлата ещё один телефон и конверт с симкой и кладёт передо мной на кухонный стол.

– Третий номер, – глухо роняет он, – и о нем пока знаем только я и ты. Даже отцу пока не говорим. Поняла?

Испуганно молча киваю, прижимая к губам кружку с остывающим чаем. От того, что он вычеркнул из круга доверия даже моего отца, по спине бежит ледяной холодок. Еще надо перебросить нужные файлы на новый смартфон… Боже, кто б знал, как я не люблю этим заниматься.

А еще эти чертовы пароли, вечно они теряются.

К полудню выезжаем в сторону Красной Поляны – у меня в горном лесничестве запланирована встреча с научным руководителем, нужно забрать образцы хвои для диплома.

Огромный чёрный внедорожник Захарова пробирается через заснеженный серпантин легко и хищно. В салоне тепло, пахнет дорогой кожей, хвоей с его куртки и тем самым терпким мужским парфюмом с ноткой табака, от которого у меня с самого утра кружится голова.

Сижу на пассажирском сиденье, вцепившись пальцами в лямку рюкзака, и украдкой кошусь на него.

Даниил ведёт одной рукой – широкая, сильная ладонь с чёткими венами спокойно лежит на оплётке руля. Вторая рука опирается на подлокотник, совсем рядом со мной. Достаточно пошевелиться – и я коснусь его локтя. Внутри салона тесно, уютно, и эта вынужденная близость сводит меня с ума.

Ловлю себя на том, что рассматриваю линию его челюсти, лёгкую щетину, то, как напрягаются мышцы под чёрным свитером при каждом повороте.

Мне двадцать лет, и за спиной – только зубрёжка на биофаке, походы с рюкзаком да редкие неловкие посиделки с однокурсниками. У меня ни с кем даже настоящего поцелуя не было, не то что чего-то большего. Я всегда считала, что всё это глупости и до настоящих чувств мне ещё далеко.

Или просто не встретила того, от кого дуреют мои бабочки в животе…

А сейчас сижу в машине с мужчиной, от одного взгляда которого у меня перехватывает дыхание и начинает тянуть где-то внизу живота.

«Боже, Мальцева, прекрати! Тебя маньяк преследует, а ты разглядываешь майора»

– Замёрзла? – вдруг негромко спрашивает Даниил, не отрывая взгляда от дороги, – ты вся сжалась. Могу печку прибавить.

– Нет-нет, спасибо, мне тепло, – сбивчиво отвечаю, чувствуя, как предательски вспыхивают щёки, – просто… не выспалась.

Он на секунду поворачивает голову. Тёмные, внимательные глаза скользят по моему лицу, задерживаются на губах, потом смягчаются.

– Ника, послушай меня, – голос у него становится ниже, спокойнее, – пока я рядом, к тебе никто не подойдёт. Ни на шаг. Я не для галочки здесь сижу. И смогу вытащить тебя из любой дряни? Ты в безопасности.

Слова простые, мужские, без всяких красивых завитушек. Но от этой спокойной, железной уверенности внутри всё обрывается в сладкий морок. Боже, как же это звучит… Невероятно. Сексуально до дрожи в коленях.

Отворачиваюсь к окну, кусая губу, чтобы не выдать, насколько сильно меня пробрало.

На обратном пути, ближе к четырём дня, мы заезжаем в небольшое придорожное кафе у поворота на старую горную дорогу – перекусить и согреться.

В зале почти пусто. За барной стойкой дремлет официантка, у окна сидит дальнобойщик, а в дальнем углу, за пластиковым столиком, пристроился неприметный мужчина лет сорока в серой куртке и кепке. Перед ним стоит остывший стакан кофе.

Мы садимся у стены. Заказываю горячий травяной чай, Даниил – двойной эспрессо без сахара.

– Кофе не пьёшь? – спрашивает он, вертя в пальцах сахарный стик.

– Не люблю. Только чай. Хотя в блоге вечно шучу про утренний капучино, потому что подписчики обожают эстетичные фотки кружек на фоне гор, – улыбаюсь я и тут же осекаюсь, поймав чужой взгляд.

Тот самый мужчина в серой куртке смотрит прямо на меня.

Не мельком, не с праздным любопытством, а тяжело, пристально, словно запоминает каждую чёрточку.

Замираю с чашкой в руках. Даниил замечает мою реакцию со звериной быстротой. Он даже не оборачивается резко – просто чуть меняет позу, бросая короткий, ледяной взгляд через плечо. Мужчина тут же опускает глаза в телефон, торопливо встаёт, бросает на стол купюру и выходит на улицу.

– Не дёргайся, – тихо бросает Захаров, провожая его взглядом сквозь стекло, – номер машины я срисовал. Морду запомнил. Допивай чай, уходим.

К вечеру погода окончательно сходит с ума.

С гор срывается ледяной шквал. Мокрый снег превращается в плотную, непроглядную стену, ветер воет так, что раскачивает тяжёлый внедорожник. На очередном серпантине дорога впереди оказывается наглухо перекрыта: с крутого склона сошёл снежный язык, завалив проезжую часть камнями и поваленными соснами.

– Приехали, – сухо констатирует Даниил, притормаживая у завала, – вниз до утра не пробьёмся, технику сюда раньше рассвета не пригонят. Связь здесь почти на нуле.

– И что нам делать? Ночевать в машине? – спрашиваю я, глядя на белую круговерть за лобовым стеклом.

– Зачем в машине. В трёх километрах выше по старой просеке стоит гостевой домик твоего отца. Где ключи – знаю. Переждём бурю там.

Через час мы уже внутри. Домик, в котором я провела все детство, уютный и небольшой, бревенчатый, пахнет сухим деревом и холодом, но Захаров за десять минут растапливает камин и включает электрические конвекторы. Мы ужинаем сухпайком из его багажника и горячим чаем из термоса.

К одиннадцати вечера меня начинает морить сон.

– Ложись в спальне наверху, – принимает за меня решение Даниил, проверяя задвижку на входной двери, – я останусь внизу у окна. Тебе отдохнуть надо.

Но уснуть не получается.

За стенами завывает ветер, ветки скребут по крыше, а в голове крутится одно и то же: мужчина в кафе, новый телефон, и Даниил, который сидит сейчас внизу один в темноте.

Около двух ночи я не выдерживаю.

Накидываю поверх пижамной майки и тонких штанов вязаный кардиган, тихо открываю дверь спальни и выхожу в тёмный деревянный коридор. Хочется спуститься, проверить, как он там, может, заварить ещё чаю.

В коридоре хоть глаз выколи. Половицы под босыми ногами тихо поскрипывают.

Вдруг внизу лестницы мелькает высокая, широкая тень. Вздрагиваю, отступаю назад – и нога в шерстяном носке предательски скользит по отполированному до блеска дереву.

– Ай!.. – вырывается короткий вскрик.

Лечу спиной назад, но упасть не успеваю.

Сильные, твёрдые руки подхватывают меня за талию, рывком притягивая к широкой горячей груди.

– Тихо, тихо, держу! – глухо выдыхает Даниил прямо мне в макушку.

Замираю, вцепившись пальцами в его свитер. Моё лицо оказывается в миллиметре от его шеи.

От него пахнет живым теплом, морозом и тем самым сводящим с ума мужским запахом. Одна его ладонь лежит у меня на пояснице, прижимая вплотную к себе, вторая – на лопатке. Сквозь тонкую ткань майки я чувствую жар его кожи, твёрдый рельеф мышц, гулкие удары его сердца.

Поднимаю голову.

В полумраке коридора его глаза горят тёмным, опасным огнём. Дыхание сбивается у обоих. Даниил смотрит на мои приоткрытые губы, не отпуская, и я понимаю – ещё секунда, и он наклонится… У меня внутри всё плавится от волнующего, незнакомого и такого сладкого ожидания.

Моего самого первого поцелуя.

И в эту самую секунду в кармане моего кардигана резко вибрирует телефон.

Тот самый. Третий. Который существует меньше суток и о котором знаем только мы вдвоём.

Мы замираем. Даниил медленно разжимает руки, не отводя от меня тяжёлого взгляда. Дрожащими пальцами я достаю аппарат, нажимаю на кнопку. Яркий свет экрана режет глаза в темноте.

Новое сообщение.

«Трогательно. Целуйтесь же!

Не забудь выставить это в своём блоге».

Глава 5

ДАНИИЛ

Свет экрана в тёмном коридоре режет глаза, как вспышка светошумовой гранаты.

Читаю строчку через плечо Ники, и внутри всё мгновенно перещёлкивается в боевой режим. Никаких эмоций. Никакого тепла, которое только что жгло ладони, пока я держал её за тонкую талию, вдыхая запах её волос и чувствуя, как бешено колотится её сердце. Всё. Выключено.

«Трогательно. Целуйтесь же!

Не забудь выставить это в своём блоге».

Голова работает холодно и быстро, как отлаженный механизм. Номер оформлен сегодня утром. Сим-карту брал мой человек, который ни разу за пять лет не давал сбоев. О том, что мы свернули в гостевой домик генерала, не знал никто – даже сам Мальцев.

Завал на серпантине отрезал дорогу снизу.

А значит, вывод один. Нас не просто вели. Нас вели свои. По спутнику, по маячку в моей машине или через закрытые каналы управления, к которым имеют доступ единицы. Кто-то сидит в тёплом кабинете, смотрит на карту в реальном времени, а может, и вовсе поставил оптику или скрытую камеру на территории ведомственного объекта. Нас обложили со всех сторон.

–

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.